

Н.В. Сечина

«И скучно и грустно...»

Стихотворение создано в 1840 году. В нем звучит мотив безысходности, входящий в тему одиночества. Лермонтов создал в своем творчестве своеобразную концепцию одиночества. В романтической поэзии лирический герой противопоставлял себя обществу. Со временем его позиция меняется: изгнанничество становится единственно возможной формой существования в бездушном мире.

Элегия «И скучно и грустно» — это внутренний монолог, исповедь лирического героя, наполненная грустными раздумьями о жизни.

Герой находится в состоянии рефлексии, то есть пытается понять свое внутреннее душевное состояние, его размышления полны противоречий и сомнений. Этому состоянию подчинена композиция произведения.

Элегия представляет собой трехчастную структурную композицию: вступление, основная часть, заключение. Вступление (первые две строки) определяет внутреннее состояние героя. Основная часть делится на двестишия, каждое из которых представляет собой завершённое по смыслу и интонации суждение: «желанья... что пользы... желать?»; «любить — но кого же?»; «что страсти?... их сладкий недуг исчезнет». Вывод заключен в последнем двестишии: «И жизнь... такая пустая и глупая шутка!»

Лаконичность и отчасти афористичность строения фраз подчеркивают стремление героя подчинить свои чувства логичности, строгому рассудку. Однако прерывистость речи (многоточие, тире), насыщенность вопросительными и восклицательными предложениями, словесные повторы создают впечатление взволнованности лирического героя. Драматизм его состояния усиливается контрастами: «на время — вечно», «и радость, и муки», «рано иль поздно».

Трудно переоценить проникновенные слова Белинского, которые обращены к этим страстным поэтическим строкам:

«Страшен этот глухой, могильный голос подземного страдания, нездешней муки, этот потрясающий душу реквием всех надежд, всех чувств человеческих, всех обаяний жизни! От него содрогается человеческая природа, стынет кровь в жилах, и прежний светлый образ жизни представляется отвратительным скелетом, который душит нас в своих костяных объятиях, улыбается своими костяными челюстями и прижимается к устам нашим! Это не минута духовной дисгармонии, сердечного отчаяния: это — похоронная песня всей жизни! Кому не знакомо по опыту состояние духа, выраженное в ней, в чьей натуре не скрывается возможность ее страшных диссонансов, — те, конечно, увидят в ней не больше, как маленькую пьеску грустного содержания, и будут правы; но тот, кто не раз слышал внутри себя этот могильный напев, а в ней увидел только художественное выражение давно знакомого ему ужасного чувства, тот припишет ей слишком глубокое значение, слишком высокую цену, даст ей почетное место между величайшими созданиями поэзии, которые когда-либо, подобно светочам Эвменид, освещали бездонные пропасти человеческого духа... И какая простота в выражении, какая естественность, свобода в стихе! Так и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама собой, как поток слез, давно уже накопивших, как струя горячей крови из раны, с которой вдруг сорвана перевязка...»